

ОЛЬГА ДАШКОВА

Королева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НА ВСЮ ГОЛОВУ

18+

Ольга Викторовна Дашкова

Королева на всю голову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72783409

SelfPub; 2025

Аннотация

- А ты точно нормальный?
- Раньше надо было думать, а не садиться в машину?
- Останови! Останови немедленно! Помогите!
- Да, господи, за что мне это?

Моя жизнь была тихой: лес, топор, одиночество – все, что нужно было после прошлого, которое я старался забыть.

Но потом появилась она – Королева на всю голову. Каролина. Дерзкая, упрямая, с языком острым, как нож.

Она ворвалась как буря, раздражая до зубовного скрежета.

Что дальше?

О, это очень, очень увлекательная история, в которой пострадали мои нервные клетки и петух Валера.

Продолжение серии "Сказки для взрослых" История Каролины, подруги Алены из романа "Горячее лето майора Морозова"

Содержание

Глава 1 Каролина	5
Глава 2 Каролина	12
Глава 4 Каролина	25
Глава 5 Каролина	32
Глава 6 Каролина	41
Глава 7 Богдан	48
Глава 8 Каролина	54
Глава 9 Богдан	62
Глава 10 Каролина	71
Глава 11 Каролина	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ольга Дашкова
Королева на всю голову

Глава 1 Каролина

Жара невыносимая.

Стою на обочине, вцепившись в ручку своего модного розового чемодана, который, клянусь, весит столько, что я не понимаю, что вообще могла туда напихать.

На ногах, естественно, шпильки – как, если не в них, начинать новую жизнь?

«Каро, ты должна быть звездой даже в побеге!»

Тонкий каблук тонет в сухой земле, а я чувствую себя актрисой, которую по ошибке закинули в сериал про деревенскую жизнь, только без сценария и с курами вместо массовки.

Куры, черт возьми! Они кудахчут и роются в пыли, как будто ищут спрятанный клад. Один петух тарашится на меня с таким видом, словно я украла его корону.

– Эй, пернатый, – поправляя бретельки розового сарафана, который так и хочется снять под натиском этой жары. – Не завидуй, у тебя перья, а у меня стиль. Хотя, признаться, сейчас я выгляжу, как стиль, упавший с грузовика.

Автобус, что привез меня в эту глушь, давно чихнул и свалил, оставив меня в облаке пыли и с запахом плавящихся шин. Оглядываю так называемую «площадь». Это, конечно, громко сказано.

Кусок утоптанной земли, на котором красуется магазин

с облупленной вывеской «Продукты». Рядом покосившаяся остановка, где дремлет дед в кепке, я надеюсь, что он дремлет, а не помер еще три дня назад, судя по тому, как вокруг него летает стая мух.

У магазина пара ржавых велосипедов, которые, наверняка видели революцию, а у крыльца вышагивает курица с таким важным видом, будто она здесь главная.

И почему я так недолюбливаю кур? Наверное, какая-то детская травма была, но мама не говорит.

Жара такая, что я, кажется, начинаю плавиться, а блестящие еще вчера вечером волосы грязные и покрыты пылью.

– Так, Каролина, успокойся, дыши ровно, спокойно, – бормочу себе, – ты сделала важный шаг, ты сбежала от суровой судьбы, чтобы найти себя, а не стать королевой курятника.

Роюсь в сумочке, достаю телефон и звоню Алене, молясь, чтобы в этой дыре вообще была связь. Потому что если нет, то я, похоже, попала в зону, где даже голубиная почта – это прогресс.

– Каролин? Что стряслось? – голос Алены в трубке звучит так, будто она уже готова вызывать МЧС. – Где ты?

Шмыгаю носом, стараясь не разрыдаться прямо под взглядом этого наглого петуха. Каролина Саркисян не плачет на публике, даже если публика – это куры и спящий дед. Надеюсь, что спящий.

– Алена, я на грани, – выпалила, сжимая телефон, как спасательный круг. – Родители решили, что я должна выйти

за какого-то Армена, которого я видела дважды! Два раза, Аллен! Он, может, и норм, но это не их дело! Они уже все за меня решили: семья, традиции, долг – как будто я контракт на поставку оливок! Я не выдержала. Сбежала. Села на автобус, уехала к морю, начну новую жизнь, найду работу, буду как все, и никто мне не будет указывать.

– Каролина, ты серьезно? – Алена явно пытается не паниковать. – Где ты? Я приеду!

– Не надо, – шепчу, чувствуя, как паника подкатывает к горлу. – Я разберусь. Или хотя бы притворюсь, что разбираюсь.

Сбрасываю звонок, не давая ей ответить. Пальцы дрожат, когда я вытаскиваю сим-карту. Смотрю на нее – маленькую, блестящую, как билет в мой старый мир, где папа с его взглядом «я всегда прав» и мама с ее «так принято, Каро» решали мою судьбу.

Ломаю сим-карту пополам с каким-то мстительным удовольствием. Щелк! Прощай, прошлое. Привет, свобода. Или что-то, что я за нее принимаю.

Бросаю обломки под ноги, вытираю руки о сарафан, будто могу стереть весь этот кошмар. Но внутри пусто. Я сбежала от свадьбы, от родителей, от их планов, но куда?

Оглядываюсь. Площадь выглядит так, будто ее проектировал человек, который ненавидел прогресс. Отутюженная солнцем земля, магазин, который, кажется, держится на честном слове, и скамейка с пожелтевшей газетой, которая

помнит еще Брежнева.

Рядом ржавая бочка с палками – то ли метлы, то ли местный арт-объект. А куры... они расхаживают, как будто это их подиум, и одна из них, клянусь, смотрит на меня с таким высокомерием, что я начинаю подозревать, что она тут босс.

– Да что ты знаешь о драмах, детка? – фыркаю. – У тебя жизнь – это клевать и спать, а у меня – выживать любой ценой. Похлопай крыльями, если понимаешь.

Достаю зеркальце, чтобы проверить, не размазалась ли тушь. Лицо, которое вечером было почти идеальным, теперь блестит, как сковородка, а глаза покраснели от слез. Волосы – отдельная трагедия.

– Bravo, Каролина, – бормочу, убирая зеркальце. – Сбежала от семейного заговора, чтобы сгинуть неизвестно где.

Вспоминаю, как оказалась здесь. Вчера поздно вечером в панике я стащила из отцовского кабинета немного наличных – достаточно, чтобы протянуть пару недель.

План был гениальным: сесть на автобус, уехать к морю, затеряться среди туристов, может быть, найти работу – не очень сложную, попивать что-нибудь с зонтиком. Я никогда не ездила на автобусах – у нас всегда был водитель, который знал, что я ненавижу пробки.

Но я решила, что автобус – это идеально, чтобы замести следы. Кто будет искать дочку Саркисянов в какой-то маршрутке?

О, как я ошиблась. На вокзале было темно, шумно, пах-

ло перегаром и жареной курицей, и я в спешке влезла в первый попавшийся автобус, который, как мне показалось, шел в Краснодар. Или Сочи. Или куда-то, где есть море.

Но дорога стала подозрительной: асфальт сменился ямами, ямы – грунтовкой, а я сидела, вцепившись в чемодан, и убеждала себя, что это часть приключения.

– Гениально, Каро, – пинаю камешек, который вызывает возмущенное кудахтанье курицы. – Ты перепутала автобусы, потому что решила, что это твой звездный час.

В чемодане – платья, косметика, три пары туфель (я не могла выбрать) и ноутбук, который я схватила на всякий случай. А еще несколько фотографий с подругой и с младшими братьями.

– Ну, Каролина, – говорю я себе, выпрямляясь. – Хотела свободы? Получи..

Каблук вязнет в земле, и я чуть не падаю прямо в лапы той самой курицы, которая, клянусь, уже планирует украсть мой чемодан.

– О, нет, подруга, даже не думай, – шиплю, вытаскивая ногу. – Но для начала надо найти кофе.

Ковыляю к потрепанному стенду, где висит расписание, написанное от руки, с таким количеством исправлений, что оно выглядит как черновик поэта-неудачника. «Автобус в город – 6:00, 12:00, 18:00».

Часы показывают полдень. Шесть часов в этой дыре. Я вздыхаю, представляя, как сижу на скамейке с дедом, пока

куры устраивают вокруг меня концерт.

– Надо найти воду. Или тень. Или море, – бормочу, таща чемодан к магазину. Вдруг оно и правда где-то недалеко?

В магазине прохладно, но пахнет квашеной капустой и чем-то подозрительно кошачьим. За прилавком – женщина с рыжей прической, которая выглядит так, будто пережила три апокалипсиса и все еще держится. Она листает журнал, смачно облизывая указательный палец, и не поднимает глаз.

– Здравствуйте, – стараюсь говорить уверенно, хотя внутри все кричит: «Беги, Каро!» – У вас есть вода? Или чай? Или лучше кофе, крепкий, желательно капучино на кокосовом молоке с карамельным сиропом.

Женщина медленно поднимает взгляд, оглядывает меня, задерживаясь на чемодане.

– Еще раз.

Да, местные не отличаются сообразительностью.

– Капучино на альтернативном молоке, можно на любом, у меня непереносимость лактозы. А если нет карамельного сиропа, да и не надо, так сойдет.

– Есть чайный гриб, холодный, только утром сседила.

Не знаю, что это, и пробовать точно не буду. Раз как-то Серега принес другие грибы, так я не помню вообще тот вечер.

– Нет, спасибо, не нужно. А море здесь далеко?

Женщина мигает, причмокивает полными яркими губами, смотрит на меня, как на умалишенную.

– Девочка, ты что, думаешь, оно за углом? До моря отсюда три дня на тракторе, если трактор не заглохнет. Капучино не держим и ничего альтернативного, у нас все только натуральное. Вода в холодильнике. Чай в пакетиках. А ты такая нарядная откуда? На свадьбу?

Я чувствую, как щеки горят. Свадьба. Это слово – как нож в сердце.

– Нет, – выдавливаю, стараясь улыбнуться. – Просто... путешествую. Ищу приключений. И море, видимо, тоже.

Она хмыкает, явно не веря, и кивает на холодильник. Беру бутылку воды, расплачиваюсь, выхожу под палящее солнце.

Стою с водой в руке, чемоданом у ног, в сарафане, который уже не такой розовый. Куры продолжают свой парад, дед вроде бы храпит, а я понимаю: это только начало.

Моего большого, нелепого, пугающего приключения. Но я не сдамся. Нужно просто добраться до любого большого города, там купить билет к морю, и все будет в шоколаде.

Глава 2 Каролина

Жара душит, пот и пыль пропитали каждый миллиметр кожи. Я стою у магазина, привалившись к обдувленной стене, пью воду из бутылки, которая пахнет, скажу я вам, странно, это не VOSS.

Чемодан стоит рядом, покрытый пылью, будто решив стать частью этого деревенского апокалипсиса. Туфли – вот зачем, спрашивается, я напялила туфли на высоком каблучке? Чтобы доказать себе, что я такая смелая и отважная?

Браво, Каролина! Я сбежала от свадьбы, от родителей, от их планов, чтобы оказаться в этой дыре? Но, кстати, как раз именно в такой дыре меня никто искать не будет.

Но эта мысль мелькнула в голове и исчезла.

Площадь пустынна, если не считать деда на скамейке, который, я надеюсь, все-таки спит, а не ушел в мир иной. Пожелтевшая газета трепыхается на ветру, ржавая бочка с торчащими палками стоит у магазина. Для чего она, неизвестно.

В голове крутится разговор с рыжей продавщицей, которая с ухмылкой сообщила, что до Черного моря «три дня на тракторе».

Она это серьезно? Или это шутки местных обитателей?

Мое море, коктейли, новая жизнь – все похоронено. А я стою тут с водой, которая воняет, в сарафане, который уже не розовый, а какой-то серый.

Волосы спутались, тушь, наверное, размазалась, но лезть за зеркальцем нет желания. Если я выгляжу так же паршиво, как себя чувствую, то это мой личный антирекорд.

Но как только я хочу отойти в тень деревьев за остановку, тишину разрывает резкий треск, вздрагиваю, чуть не роняя бутылку. На площадь врываются три парня на мопедах, моторы тарахтят, колеса поднимают облака пыли.

Они выглядят так, будто только что вылезли – даже не могу предположить, откуда, я в таких местах точно не была. Мятые и грязные майки, на ногах сланцы, волосы сальные, ухмылки, которые не предвещают ничего хорошего. Один, без одного переднего зуба, подъезжает ближе и орет:

– Эй, лялька! Заблудилась? Или приехала к нам в гости?

Лялька? Серьезно? Меня даже в клубях называют по имени и отчеству, хоть мне всего двадцать лет.

Двое других ржут, их мопеды кружат вокруг меня, пыль забивается в горло, кашляю, щурясь, чтобы не ослепнуть. Сердце колотится, пальцы сжимают бутылку до хруста.

Я надеюсь, это они так шутят, как рыжая продавщица. Но шутка звучит как угроза.

Страх вспыхивает, холодный и тяжелый, как в тот вечер в клубе, когда нас с Аленой схватили в заложницы. Руки тех людей, их смех, взгляды до сих пор сидят в памяти, как заноза. Тогда мы были в заложниках в подсобке, пока Алену не увел главарь, а потом начался штурм, настоящий ад. Но сейчас я одна, в этой глуши, без Алены, без ее майора Моро-

зова и его сослуживцев, без подмоги, зато с тремя клоунами, чьи ухмылки становятся все наглее.

– Чего такая хмурая, лялька? – подает голос второй, с тауировкой на шее, похожей на грязное пятно. – Поехали с нами, пивка хряпнем! У нас тут весело!

– Ага, – подхватывает третий, с серьгой в ухе и кепкой, надетой задом наперед. – Покажем тебе наши места, городская! Будет романтика!

Они ржут, мопеды ревут, пыль становится гуще, чувствую, как страх сдавливает грудь.

Они знают, что я одна. Это их заводит.

Воспоминания о клубе бьют сильнее: Алена кричала, я пыталась вырваться, но страх сковал, и только ее смелость спасла нас. Сейчас бежать некуда. Чемодан, каблуки, все против меня. Но молчать нельзя. Я не позволю этим придуркам думать, что они тут главные.

– Серьезно? – голос звучит резче, чем я хотела, но страх тонет в ярости. – Пивко и ваши ржавые тарантайки? Да вы, похоже, только и можете, что вонять бензином и пугать девочек! Валите отсюда, дебилы, пока я не начала орать так, что все ваше захоlustье на уши подниму!

Они замолкают на секунду, явно не ожидая такой грубости, но потом ржут громче, и в их смехе появляется злоба. Хватаю ручку чемодана, пытаюсь уйти, но подворачиваю ногу и чуть не падаю.

Пыль лезет в глаза, слезы наворачиваются, и я не знаю, от

ярости или от страха.

Я сбежала от родителей, от их свадьбы, от их контроля, чтобы оказаться здесь, в окружении этих идиотов? Это не мой финал.

Мопеды кружат ближе, взгляды парней становятся наглее, а мое сердце стучит в горле. Воспоминания о клубе всплывают ярче: тогда я была беспомощна, но Алена вытащила нас. Сейчас я одна, и это пугает до дрожи.

– Эй, ты чего такая борзая? – рычит тот, с серьгой, подвезая так близко, что я чую запах пота и бензина. – Думаешь, тебе все можно? Мы и не таких обламывали!

– Обламывали? – кричу, голос срывается. – Да вы, три дебила, только и можете, что гонять на своих помойных мопедах и вонять, как мусорка! Похоже, ваши мозги остались в том сарае, где вы эти колымаги собирали! Отвалите, пока я не нашла тут что-нибудь потяжелее этой бутылки!

Они ржут, но в их глазах вспыхивает что-то опасное, и я понимаю, что зашла слишком далеко. Это не Москва и не элитный клуб, где все знают, что к Каролине приставать нельзя, что папа Каролины выдернет каждому ноги.

Страх захлестывает, делаю шаг назад, таща чемодан, но мопеды кружат еще ближе, пыль забивает легкие, кашель, слезы текут по щекам.

Я не хочу этого. Не хочу быть здесь. Не хочу, чтобы все закончилось так.

Вдруг раздается резкий сигнал автомобиля, громкий, как

выстрел.

Мопеды затихают, останавливаются, пыль оседает, парни замирают, глядя за мою спину. Щурюсь, пытаюсь разглядеть, что там. На краю площади стоит огромный джип, покрытый грязью до крыши, как будто он только что вернулся из экспедиции по болотам.

Фары мигают, двигатель рычит, мой страх немного отступает.

Кто бы там ни был, эти клоуны его боятся.

– Черт, это он, – бормочет тот, с сальными волосами, в его голосе паника. – Валим, пацаны!

Они газуют, мопеды с треском уносятся, но тот, с серьгой, резко тормозит рядом. Прежде чем я успеваю среагировать, он срывает мою сумочку с плеча.

Сумочку! Где телефон, наличные и паспорт!

Я кричу, бросаюсь за ним, но каблучки вязнут, и я чуть не падаю. Мопед исчезает в облаке пыли, а я стою, задыхаясь от ярости и отчаяния, с горящими щеками и слезами, которые текут по лицу.

Браво, Каро, ты официально растяпа. Паспорт. Деньги. Моя последняя связь с миром. Уехали на мопеде.

– Вы, чертовы ублюдки! – ору я в пустоту, пнув чемодан так, что он скрипит. – Вернитесь, гады, я вам все колеса потрываю!

Размазываю слезы по щекам, пыль забивает горло, кашляю, чувствуя, как отчаяние накрывает с головой. Джип все

еще стоит, но никто из него не выходит.

Кто там? Местный босс? Маньяк? Или просто псих, который любит сигналить?

Опускаюсь на чемодан, слезы все текут по щекам. Я не знаю, что делать. Не знаю, куда идти. Не знаю, как выбраться.

Пыль оседает, дед на скамейке, кажется, шевелится, а джип стоит, как молчаливый свидетель моего позора. Вытираю лицо, но слезы не останавливаются. Нужно собрать себя в кучу и что-то придумать, Аленка бы точно что-то придумала и вылезла из этой дрянной ситуации.

Каро, ты ведь хотела свободы. Так вот, получи и не ной, не будь тряпкой!

Я хотела свободы, а получила это. И что теперь?

Глава 3

Каролина

Сажу на своем розовом чемодане, который теперь выглядит как реквизит из постапокалиптического фильма, и пытаюсь не разрыдаться вовсе. Паспорт, деньги, телефон – все уехало на мопеде с этим ухмыляющимся дебилом в кепке задом наперед.

Браво, Каролина, ты официально чемпион по влипаю в неприятности. А я-то считала, что эта роль основательно закрепилась за Аленкой.

Оглядываюсь. Площадь пустынна, если не считать деда, того самого деда, который, кажется, все-таки жив – он почесал нос и снова захрапел. Куры продолжают свой парад, и

одна, с особо наглым взглядом, будто прикидывает, как бы стащить мой чемодан.

А вот грязного джипа уже нет. Странно, как он мог так тихо уехать и куда?

В голове крутится мысль: зайти в магазин, умолять рыжую продавщицу вызвать полицию. Это было бы логично, это было бы *правильно*. Но стоит мне представить, как я стою перед каким-нибудь местным участковым с пузом и усами (почему, не знаю, приходит именно такой образ), объясняя, кто я такая, и все – привет, папа, с его: «Каро, я же говорил», и этот Армен, которого я видела дважды и который, может, и неплохой, но точно не мой выбор. Полиция вернет меня в отчий дом быстрее, чем я успею сказать «традиции – это не мое».

Нет, этот вариант отпадает. Я сбежала, чтобы быть свободной, а не чтобы меня вернули в клетку с позолотой.

Аленка? О, Аленка бы уже придумала план, как захватить эту деревню и заставить кур и продавщицу работать на нас. Но она с майором Морозовым где-то в медовом месяце, который они так долго откладывали.

Звонить ей – значит испортить им романтику, а я не настолько эгоистка. Ну, может, чуть-чуть, но не сегодня. К тому же телефона у меня больше нет. И снова браво, Каро, ты гений планирования.

Встаю, отряхиваю сарафан, который теперь скорее серый, чем розовый, тащусь к стенду с расписанием. Часы на за-

пястье – мои шикарные смарт-часы, которые папа подарил, «чтобы ты всегда была на связи, Каро», – показывают 12:47. Надо бы их тоже выкинуть или отключить, а то меня быстро по ним вычислят, но, судя по шкале заряда, они и так скоро сядут.

Расписание, написанное от руки, выглядит как шифровка шпиона-алкоголика: «6:00, 12:00, 18:00». Либо я пропустила автобус, либо он вообще мифический, как нормальный кофе в этой глуши.

Шесть часов ждать? Да я тут свихнусь или стану местной, научусь материться и лузгать семечки.

– Так, Каролина, соберись, – бормочу себе, вытирая слезы. – Ты не тряпка. Ты не та девчонка, которая дрожала в подсобке клуба, пока Аленка всех спасала. Ты теперь сама по себе, и ты справишься. Или хотя бы сделаешь вид, что справишься.

Взгляд падает на туфли.

О, эти шпильки – символ моего бунта, моей «новой жизни». И символ моей глупости. Ходить по этим проселочным дорогам на каблуках – это как пытаться танцевать танго на минном поле. Пора признать поражение.

Открываю чемодан, роюсь среди платьев, косметики и трех пар туфель (да, я не могла выбрать, и что?). Нахожу сланцы – простые, черные, без единого страфика.

Прощай, стиль, привет, практичность. Переобуваюсь, захихивая шпильки в чемодан. Они влезают с таким скрипом,

будто протестуют против такого унижения.

– Спокойно, девочки, – шепчу туфлям. – Это временно. Как только я доберусь до цивилизации, вы снова будете блистать.

Закрываю чемодан, берусь за ручку и, напевая себе что-то бодрое (кажется, это была мелодия из рекламы шампуня), шагаю по дороге. От площади идут две тропы, и я, как великий стратег, выбираю ту, по которой вроде бы приехала.

Логика простая: если я сюда попала, то эта дорога выведет меня обратно на трассу. А там я поймаю попутку, доеду до какого-нибудь города, найду работу, сниму квартиру и начну новую жизнь.

План гениальный, как сценарий сериала, где я, конечно же, главная героиня, а не та, кто падает в лужу в первой серии.

Шагаю бодро, насколько это возможно, когда тащишь чемодан, который весит как маленький слон. Пыль вьется вокруг, сланцы шлепают по земле, а солнце жарит так, будто решило сделать из меня курицу-гриль. Надо было шляпу достать, да, да, у меня есть шляпа – из Италии, кстати, – с огромными полями, шик, блеск, красота.

Но я не сдаюсь. Плакать – не про меня. Я уже один раз дала слабину, когда нас с Аленкой взяли в заложники в том клубе. Тогда я была беспомощной, парализованной страхом, пока Аленкин будущий муж нас всех не спас. Но сейчас я одна и не позволю себе быть той же трусихой.

– Каролина Саркисян, – говорю себе, расправляя плечи, – ты звезда. Ты сбежала от свадьбы, от папиных «традиций», от всего этого бреда. Ты не пропадешь. Ты найдешь трассу, поймаешь машину, и все будет в шоколаде. Ну, или хотя бы в молочном шоколаде, потому что горький я не люблю.

Дорога петляет между полями, где что-то желтеет – то ли пшеница, то ли сорняки, я не фермер, чтобы разбираться. Вдалеке виднеется лес, и я представляю, что там, наверное, тень и прохлада.

Но до леса еще топать и топать, а чемодан уже начинает казаться мне личным врагом. Колесики скрипят, как будто жалуются на свою судьбу, и я их понимаю.

– Потерпи, малыш, – говорю чемодану. – Мы с тобой команда. Ты несешь мои платья, я несу твое достоинство.

Через полчаса я уже была не такая бодрая.

Пот стекает по спине, сланцы натирают, а дорога, кажется, становится только хуже. Асфальт давно закончился, теперь это просто грунтовка с ямами, в которых можно потерять не только чемодан, но и самоуважение.

Останавливаюсь, чтобы отдышаться, и оглядываюсь. Площадь осталась где-то позади, теперь вокруг только поля и тишина, нарушаемая каким-то жужжанием. Пчелы? Осы? Или это мой мозг начинает гудеть от жары?

– Ну и где эта чертова трасса? – бормочу, вытирая лоб. – Я что, в Нарнию попала?

Сажусь на чемодан, достаю бутылку воды, которая все еще

пахнет странно, но выбора нет. Делаю глоток и морщусь.

Вдалеке слышится гул. Машина? Сердце подпрыгивает. Вскрываю, тащу чемодан к обочине и начинаю махать рукой, как потерпевшая кораблекрушение. Это мой шанс! Попутка, которая увезет меня отсюда к морю, к нормальной жизни, к кофе, который не пахнет грибами!

Гул приближается, и я вижу... трактор.

Не джип, не такси, не даже ржавая «Лада Веста», а трактор, который выглядит так, будто его собрали из запчастей танка времен Второй мировой. За рулем сидит мужик в кепке, с лохматой рыжей бородой. Он смотрит на меня, как на инопланетянку, и притормаживает.

– Эй, девка, ты чего тут? – кричит он, перекрывая тараканье гудение мотора. – Заблудилась?

– Не совсем, – отвечаю, пытаюсь улыбнуться, хотя внутри все кричит: «Каро, это не твой звездный час». – Мне на трассу надо. До города. Или до моря. В идеале до места, где есть кофе и кондиционер.

Мужик хмыкает, округляет глаза, чешет бороду. Может быть, что-то не то лягнула? Или слово «кондиционер» здесь не слышали?

– До трассы километров десять, – говорит он. – А море... Хех, ты что, в Сочи собралась? Это тебе не сюда. Но могу подбросить до поворота, там, может, кто и подберет.

Десять километров. Я смотрю на свои сланцы, на чемодан, на эту бесконечную дорогу. Десять километров пеш-

ком? Скорее я стану кормом для местных ос, чем дойду.

– Подбросите? – спрашиваю с надеждой. – Пожалуйста!

Он оглядывает меня, чемодан, потом сплевывает в пыль.

– Залезай, – кивает на прицеп, где лежат какие-то мешки и, кажется, лопата. – Только не ной, если пылью покроешься. И чемодан свой держи крепче, а то улетит.

Киваю, как болванчик, и начинаю карабкаться в прицеп. Это не грациозно, это не стильно, это вообще не про Каролину Саркисян, которая привыкла к кожаным сиденьям и климат-контролю.

Но я лезу, потому что это мой билет из этой глуши. Чемодан закидываю с таким усилием, будто поднимаю штангу, и сажусь рядом, вцепившись в ручку, как в спасательный круг.

Трактор трогается, и я подпрыгиваю на каждом ухабе. Пыль летит в лицо, волосы превращаются в гнездо, а сарафан окончательно прощается с розовым цветом.

Но я смеюсь. Смеюсь, потому что это так нелепо, так глупо, так не мое, что остается только ржать.

Я хотела приключений? Получи.

Мужик оборачивается, хмыкает, но ничего не говорит. Наверное, думает, что я сбежала из психушки. И, честно, я начинаю подозревать, что он недалек от истины. Но я не сдаюсь.

Я доберусь до трассы, поймаю машину, найду город. Я не вернусь к папе, к его «традициям», к этому Армену. Я сама выберу свою судьбу, даже если для этого придется ехать в

прицепе трактора, воняющего навозом.

– Эй, дядь, – кричу, перекрывая тарыхтение. – А в той стороне точно трасса?

– Точно, – бурчит он. – Только ты, девка, аккуратней там. Попутки – дело такое. Не все добрые.

Киваю, хотя внутри что-то сжимается. Попутки. Незнакомцы. А что, если там будут такие же, как те клоуны на мопедах? Но я отгоняю эту мысль.

– Спасибо, – говорю мужику, но он только машет рукой, мол, не мешай.

Дорога тянется, пыль оседает на коже, но я чувствую, как внутри зажигается что-то новое. Не страх, не паника, а что-то другое.

Упрямство? Надежда? Или просто идиотская уверенность, что я справлюсь?

Не знаю. Но я держусь за чемодан, смотрю на поля, на лес вдалеке и думаю: «Каролина, ты вляпалась по уши. Но ты выберешься».

Глава 4 Каролина

Трасса.

Ну, или то, что здесь называют трассой.

Просто полоска асфальта, потрескавшегося, как моя самооценка после часа в прицепе трактора. Справа поле, слева поле, и ни одного намека на цивилизацию. Даже рекламного щита с кофе или, не дай бог, спа-салонем нет.

Только я, мой чемодан, покрытый пылью, и палящее солнце, которое решило устроить мне персональный экзамен на выживание.

Мой временный спаситель – бородатый мужик с трактора – только хмыкнул, махнул рукой в стиле «разбирайся сама, принцесса» и укатил, оставив за собой облако дыма и ароматов, которые я даже не хочу пытаться идентифицировать.

Стою на обочине, сланцы липнут к раскаленному асфальту, сарафан уже не просто серый, а какой-то авангардный оттенок «деревенский шик». Но я не сдаюсь.

Каролина Саркисян не из тех, кто разводит сырость на глазах, даже если ее бросили посреди нигде без телефона, денег и паспорта.

– Так, Каро, – говорю себе, поправляя волосы, которые теперь напоминают веник после уборки, – ты хотела свободы? Вот она – во всей красе. Поля, жара и ни одного автомата с кофе на горизонте.

Пока я тряслась в прицепе между мешками и лопатой, у меня родился гениальный план. Сережки. С бриллиантами, которые папа подарил мне на шестнадцатилетие, когда я еще думала, что его подарки – это просто любовь, а не попытка купить мою лояльность.

Они как раз сверкают в моих мочках, словно могут здесь кого-то поразить, но я уверена, что за них можно выручить достаточно, чтобы доехать до моря. Конечно, жалко. Эти сережки – как кусочек моей старой жизни, где я была папиной принцессой, а не беглянкой с грязными волосами и ногами.

Но что важнее: сережки или не сдохнуть от жажды и теплового удара? Ответ очевиден. Прости, папа, твои бриллианты пойдут на благое дело – на мою новую жизнь. Хотя какая-то польза.

Выпрямляюсь, беру чемодан за ручку и начинаю махать рукой каждой машине, которая появляется на горизонте. Их не так уж много – видимо, эта трасса не входит в топ-10 туристических маршрутов.

Первая машина, ржавая «девятка», проносится мимо, сигналив так, будто я стою тут в бикини и с табличкой «По-моему вашу машину».

Вторая, грузовик с надписью «Молоко», тоже не останавливается, но гудит так долго, что я начинаю подозревать, что водитель просто решил устроить мне концерт.

Третья, какая-то иномарка, даже не сбавляет скорость, но сигналив так, что у меня чуть уши не сворачиваются.

– Серьезно? – кричу в пустоту, размахивая руками. – Я что, похожа на дорожный знак? Или на девушку из тех фильмов, где все заканчивается плохо?

Конечно, я не вчера родилась. Понимаю, за кого меня могут принять, стоящую на обочине в сарафане, с чемоданом и отчаянным выражением лица. Но я не девица легкого поведения.

У меня достоинство и маникюр, который даже в этой глуши выглядит лучше, чем местный асфальт. Я порядочная девушка, мне нечего стыдиться. Ну, кроме того, что я перепутала автобусы и оказалась здесь. Но это мелочи.

Машу очередной машине, стараясь выглядеть уверенно, но не слишком вызывающе. Улыбаюсь, как будто я на кастинге в модельное агентство, а не на обочине в какой-то дыре.

И, о чудо, машина тормозит. Черная «Лада» с тонированными стеклами, которые выглядят так, будто скрывают внутри как минимум мафиозный сходняк. Помню, я недавно думала про ржавую «Ладку», и вот она, только не ржавая, а подозрительно блестящая, словно ее только что угнали из автосалона.

Двери открываются, и оттуда высовываются три парня. Все молодые, все с такими ухмылками, что я сразу жалею, что не пошла пешком через лес. Один, с длинными волосами, зачесанными назад, как у героя боевика из девяностых, смотрит на меня как на торт на витрине, пуская слюни.

Второй, с золотой цепью толщиной с мой мизинец (наверняка подделка), жуёт жвачку с таким энтузиазмом, что я боюсь, он сейчас челюсть вывихнет. Третий, в спортивном костюме в стиле Олимпиады-80, просто пялится, не говоря ни слова.

– Эй, красотка, – начинает тот, с зачесом, растягивая слова. – Заблудилась? Мы тебя куда угодно доведем. Хоть на край света, такая принцесса, как ты, заслуживает лучшего.

Чувствую, как внутри что-то сжимается, но держу улыбку. Вежливость – мое оружие. По крайней мере пока.

– Спасибо, ребята, – стараюсь говорить спокойно. – Мне бы до ближайшего города. Где есть вокзал или, ну, нормальный кофе. Я заплачу... как-нибудь.

Господи, зачем я это сказала?

Они переглядываются и ржут, как будто я рассказала анекдот года. Тот, с цепью, сплевывает жвачку прямо на асфальт и подмигивает.

– Заплатишь, говоришь? О, мы найдем, чем ты можешь заплатить. Такая куколка, как ты, в нашей тачке будет смотреться шикарно.

Мое сердце делает кульбит. Я не идиотка, я знаю, куда они клонят. Но я не хочу паниковать. Не снова. Выпрямляюсь, сжимаю ручку чемодана и выдаю:

– Слушайте, парни, я ценю ваше гостеприимство, но я не из таких, о которых вы подумали. Давайте без пошлостей, просто доведите до города, и я... ну, придумаю, как отблаго-

дарить. Без интима, если что.

Они ржут громче, и в их смехе появляется что-то хищное. Тот, в спортивке, наконец открывает рот:

– Ой, какая цаца! Без интима, говорит! А мы тебе романтику предлагали, городская. Садись, пока добрые, а то пешком до города топать будешь до зимы.

Запах перегара бьет в нос, понимаю, что эти ребята не просто придурки. Они, похоже, под чем-то посерьезнее пива. Мое сердце колотится, как барабан на рок-концерте, но я не сдаюсь. Я не позволю этим клоунам думать, что они могут мной помыкать.

– Серьезно? – говорю, повышая голос. – Вы, три ходячих мема, думаете, что я сяду в вашу тачку, которая пахнет как свалка? Да вы, похоже, только и можете, что кататься по этой дыре и пугать девчонок своими тупыми шуточками! Валите, пока я не начала орать так, что все местные коровы сбегутся!

Они замолкают на секунду, явно не ожидая, что я начну огрызаться. Но потом тот, с зачесом, наклоняется ближе, и его ухмылка становится совсем не смешной.

– Ты чего такая борзая? – шипит он. – Думаешь, мы тут просто так болтаем? Садись, а то хуже будет. Быстро.

Страх накатывает волной.

Делаю шаг назад, но чемодан цепляется за что-то, и я чуть не падаю. Они смеются, и этот смех – как эхо того вечера в клубе, когда я была беспомощной, а Аленка спасала нас.

Но сейчас нет Аленки. Нет Морозова. Только я, эти три

подонка и пустая трасса. Сжимаю кулаки, готовая орать, драться, бежать – что угодно, лишь бы не дать им затащить меня в эту машину.

Лучше бы я вышла за Армена. По крайней мере он, наверное, не пах бы перегаром и не смотрел бы на меня, как на добычу.

– Отвалите, дебилы! – кричу, голос срывается. – Я лучше содохну тут, чем поеду с вами! Найдите себе другую идиотку, а будете вести себя так и дальше, получите по зубам!

Они ржут громче, но теперь в их глазах что-то темное, опасное. Тот, в спортивке, выходит из машины, и я понимаю, что сейчас будет плохо. Очень плохо.

Отступаю, таща чемодан, но он тяжелый, а сланцы скользят по асфальту. Паника захлестывает, и я уже представляю, как меня затаскивают в эту «Ладу», увозят в какую-то глушь и...

Нет, Каролина, не думай об этом. Только не думай.

И тут раздается звук, который я уже слышала. Громкий, резкий сигнал, как выстрел.

Я оборачиваюсь, щурясь от солнца, и вижу тот самый джип, заляпанный грязью, как танк после рейда.

Он стоит в нескольких метрах, фары мигают, двигатель рычит, я чувствую, что страх немного отступил. Кто бы там ни был, эти придурки его боятся.

И я начинаю думать, что этот грязный джип – мой личный ангел-хранитель. Или он еще опасней тех идиотов, что мне

сегодня попадают.

Глава 5 Каролина

Пыль еще витает в воздухе, когда черная «Лада» с тремя придурками срывается с места, оставляя за собой вонь паленой резины. Кашляю, прикрывая лицо рукой, щурюсь, пытаюсь разглядеть своего спасителя.

Грязный джип стоит в нескольких метрах, двигатель урчит, как зверь, а мое сердце колотится, но не так, как минуту назад, когда я думала, что эти клоуны затащат меня в свою вонючую машину.

Этот джип уже второй раз за день выручает меня, и я, честно, не знаю, что думать.

Может, это мой ангел-хранитель? Или, наоборот, билет в еще большую беду?

Стою, вцепившись в ручку чемодана, пытаюсь собрать мысли в кучу.

Каролина, не будь идиоткой. Если этот тип дважды прогнал местных дебилов, он явно не собирается тебя убивать. Или собирается, но как-то изощреннее?

Самоирония – мой лучший друг, но сейчас она звучит как истеричный смешок в голове. Поправляю волосы, которые уже давно не просто веник, а целая метла, делаю шаг к джипу. Ноги в сланцах шлепают по асфальту, чемодан скрипит, словно жалуется на свою жизнь.

Ну, Каро, ты хотела приключений? Вот тебе и триллер

в реальном времени.

Пассажирское окно медленно опускается, и я замираю.

Внутри сидит мужчина.

Не старый, но и не пацан – лет тридцать пять, может, чуть больше. Темные волосы, несколько отросших прядей падают на лоб, лицо покрыто щетиной, как будто он неделю не брился.

На нем рыбацкий бушлат – точно такой же, как у дяди Ашота, когда он ездит на рыбалку с сыном, чтобы «показать природу». Только вот этот бушлат выглядит так, словно его носил не рыбак, а маньяк из ужастика, что прячет в багажнике топор. Или два.

Сглатываю, чувствуя, что горло пересохло, но держу лицо – Каролина Саркисян не показывает страха, даже если внутри все орет: «Беги, дура!»

Он смотрит на меня, не мигая, его взгляд – как лазер, прожигающий дырку в моем лбу. Глаза темные, почти черные, и в них нет ни капли игривости, как у тех придурков на мопедах или в «Ладе».

Этот взгляд... он другой. Холодный. Рассчитывающий. Как будто он уже знает обо мне больше, чем я сама.

– Ты кто такая? – голос низкий, с легкой хрипотцой, заметно, что привык говорить он редко, но метко. – И какого черта делаешь посреди этой дыры?

Выпрямляюсь, стараясь выглядеть так, будто я не стою на обочине в пыльном сарафане с чемоданом, который весит,

как моя совесть.

О, Каро, ты же звезда, да? Включи шарм, как в клубе, когда ты всех очаровывала одним взглядом.

Но шарм как-то не включается, потому что этот тип не выглядит как человек, которого можно укатать. Скорее, он сам укатывает. В асфальт.

– А вы кто такой? – отвечаю, чуть задрвав подбородок, хотя голос дрожит, как лист на ветру. – Спаситель дня? Или просто любите сигналить и пугать местных дебилов?

Его губы дергаются, это могло бы быть улыбкой, но больше похоже на оскал. Мужчина наклоняется чуть ближе, и я улавливаю запах – не перегар, а что-то резкое, вроде мокрого леса и бензина.

– Отвечай на вопрос, королева красоты, – слова звучат так, будто он плюнул мне в лицо. – Что ты забыла на этой трассе? Сбежала из дома? Или из психушки? Мозг у тебя есть?

Чувствую, как щеки горят.

Серьезно, Каролина? Ты позволяешь какому-то мужику в бушлате так с тобой разговаривать?

Но я не в Москве, не в клубе, где один звонок папе мог бы заставить любого заткнуться. Здесь я никто. И это бесит.

Но еще больше бесит, что он попал в точку. Сбежала. Только не из психушки, а от свадьбы, от родителей, от их «традиций». Но я не собираюсь выкладывать ему свою биографию. Не сейчас. И, возможно, никогда.

– Мне нужно в город, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Любой, где есть вокзал, кофе и желательно кондиционер, а еще ломбард. Подбросите?

Он молчит, продолжая сверлить взглядом. Стою, сжимая ручку чемодана, и думаю, что сейчас он либо развернется и уедет, либо скажет что-то еще более каверзное. Но он просто кивает, почти незаметно, и говорит:

– Садись. Но учти, я не такси. И не благотворительный фонд.

Внутри все сжимается от смеси облегчения и страха.

Он согласился. Это хорошо. Или плохо?

Жду, что он выйдет, поможет мне с чемоданом – ну, знаете, как нормальный человек. Но он даже не шевелится, просто смотрит, как будто я должна сама справиться.

О, конечно, я же не думала, что он джентльмен? Он и слова такого не знает.

– Эм... а с чемоданом? – спрашиваю, надеясь, что он все-таки выйдет и закинет его в багажник.

– Ты большая девочка. Справишься.

Фыркаю, хотя внутри все кипит. Но выбора нет. Я не собираюсь показывать слабость перед этим типом. Тащу чемодан к багажнику, чувствуя, как сланцы скользят по асфальту, а пот стекает по спине. Открываю его, и... О господи!

Там что-то лежит. Или кто-то лежит.

Накрытое мутным целлофаном, через который просвечивает что-то красное.

Кровь?

Сердце замирает, ноги становятся ватными.

Каролина! Это конец. Он маньяк. Точно маньяк.

Хочу бросить чемодан и бежать, но тут за спиной раздаётся его голос, спокойный, как будто он говорит о погоде:

– Это баран. Всего лишь мясо, но еще с копытами. Не дергайся.

Оборачиваюсь так резко, что чуть не падаю. Он стоит за мной – как он успел выйти так бесшумно? Я даже не слышала, как хлопнула дверь! Огромный, выше меня на голову, с широкими плечами, возвышается как скала. Лицо все так же непроницаемо, но в глазах мелькает что-то – то ли насмешка, то ли раздражение. Он кивает на целлофан.

– Те парни, – он кивает в сторону, где исчезла «Лада», – они были опаснее. Поверь.

Сглатываю, пытаюсь успокоить сердце.

Баран. Просто баран. Не человек. Не труп.

Но почему-то это не успокаивает. Смотрю на него, на бушлат, на руки, которые выглядят так, будто могут сломать что угодно – или кого угодно – напополам. Он далеко не безопасен.

– Ладно, – выдавливаю, закидывая чемодан в багажник, стараясь не смотреть на целлофан. – Просто... предупредайте, а то я чуть не решила, что вы из тех, кто коллекционирует трофеи.

Усмехается, но не отвечает, просто обходит джип и са-

дится за руль. Захлопываю багажник, обхожу машину и сажусь на пассажирское сиденье. Дверь закрывается с тяжелым щелчком, и я слышу, как замки автоматически блокируются.

О, Каро, это было плохое решение. Очень плохое.

Внутри джипа пахнет кожей, бензином и чем-то еще – может, тем самым бараном? Стараюсь не думать об этом, но страх, как холодная змея, ползет по спине. Украдкой смотрю на мужчину.

Он молчит, сосредоточенно глядя на дорогу, руки крепко сжимают руль. Пальцы у него сильные, с мозолями, и я замечаю шрам на тыльной стороне ладони – длинный, неровный, словно кто-то полоснул ножом.

Кто ты такой, черт возьми?

– Так что, – начинает он, не отрывая глаз от дороги, – сбегала от богатого папочки? Или от жениха, которого тебе выбрали?

Вздрагиваю, оттого что он так быстро угадал.

– А вы всегда так допрашиваете тех, кого подвозите? – отвечаю, скрестив руки на груди. – Может, я просто туристка. Путешествую. Ищу вдохновение.

Он смеется над самой идеей, что я могу быть туристкой.

– Туристка? В сланцах, с розовым чемоданом и лицом, словно ты понятия не имеешь, на какой планете находишься? Не ври, королева. Ты не из тех, кто ездит по таким дырам ради пейзажей.

Открываю рот, чтобы огрызнуться, но слова застревают.

Он прав, и это бесит. Но я не собираюсь раскрываться перед ним.

– Давайте так, – говорю, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Вы везете меня до города, я не задаю вопросов про... барана. И мы оба довольны.

Он бросает на меня короткий взгляд, от которого мурашки бегут по коже. Его глаза – как два черных колодца, и я не хочу знать, что там на дне.

– Договорились. Но если начнешь ныть или задавать глупые вопросы, высажу прямо посреди поля.

Киваю, прикусив губу.

О, да, Каролина, ты гений. Села в машину к мужику, который, возможно, опаснее всех тех придурков вместе взятых.

Но что мне оставалось? Идти пешком десять километров? Ждать, пока меня подберут другие идиоты? Я сбежала от одной клетки и не собираюсь попадать в другую. Но этот тип... он не похож на клетку. Он похож на капкан.

Джип мчится по трассе, и я пытаюсь отвлечься, глядя в окно. Поля, поля, еще раз поля. Ни одного намека на город, вокзал или кофе. Украдкой разглядываю мужчину.

Его профиль резкий, как будто вырезанный из камня. Нос с легкой горбинкой, скулы высокие, а щетина делает его похожим на героя, который сбежал из фильма Тарантино. Но не из тех, где все заканчивается хэппи-эндом.

– Как тебя зовут? – спрашиваю, не выдержав тишины.

Господи, Каро, ты что, флиртуешь? С маньяком?

Он молчит, и я уже думаю, что он просто проигнорирует вопрос. Но потом он говорит, не глядя на меня:

– А тебе зачем?

– Ну, знаете, – пожимаю плечами, стараясь говорить небрежно, – обычно, когда кто-то спасает тебя дважды за день, хочется знать, как его зовут. Простая вежливость.

– Вежливость, – в голосе столько сарказма, что я чувствую себя идиоткой. – Назови меня... Спасителем. Пока хватит.

– Спаситель? Серьезно? Это что, теперь я должна вам свечку в церкви ставить?

Он не смеется, но уголок его рта дергается, как будто он сдерживает ухмылку.

– Лучше молись, чтобы до города доехала без приключений, королева красоты.

Закатываю глаза, но внутри все сжимается.

Королева красоты, что за банальщина?

Он него это выражение звучит не как комплимент, а как насмешка. Отворачиваюсь к окну, пытаюсь успокоить нервы. Пыль, поля, жара. И этот тип, который, возможно, мой билет к свободе. Или в мир иной.

Минуты тянутся, и я начинаю замечать детали. На заднем сиденье лежит рюкзак, потрепанный, как будто он прошел через войну. Рядом – веревка, аккуратно свернутая, и что-то похожее на нож в чехле.

Нормально, Каро. Просто нож. У всех охотников есть

ножи. И веревки. И бараны в целлофане. Это обычное дело.

Но сердце стучит так, будто хочет выпрыгнуть из груди.

– Ты всегда такая нервная? – голос мужчины вырывает меня из мыслей, вздрагиваю.

– А вы всегда такой... загадочный? – огрызаюсь, но голос выдает мою панику. – Может, скажете, куда мы едем? Или это тоже секрет?

– В город, – отвечает он коротко. – Как просила. Расслабься. Если бы я хотел тебя прикончить, ты бы уже не болтала.

– О, как утешительно, – бормочу, скрестив руки.

Смотрю на дорогу, на бесконечные поля.

Да, Каро, дорвалась ты до свободы. Интересно, папа там уже объявил план «Перехват» и разослал мой фоторобот по вокзалам и аэропортам?

Глава 6 Каролина

Пытаюсь отвлечься, глядя в окно. Поля, поля, снова поля. Внутри джипа жарко, несмотря на открытые окна, но холодный пот стекает по спине, а сарафан безнадежно испорчен, его теперь можно только выбросить.

Волосы? Не спрашивайте. Я уверена, что выгляжу так, словно меня пропустили через соковыжималку и выбросили в поле.

– Так, – начинаю, не выдерживая тишины. – Мы точно едем в город? Потому что, знаешь, я начинаю подозревать, что ты везешь меня в логово маньяка, берлогу, чтобы сшить из моей кожи сумочку.

Мужчина бросает на меня короткий взгляд, и уголок его рта дергается в той самой почти-улыбке, которая бесит меня до зубовного скрежета.

– Королева, – слово звучит издевательски, но делает он это с каким-то странным уважением, – если бы я хотел что-то с тобой сделать, я бы это уже сделал. Расслабься.

Это он так шутит, да? Но мне не до смеха. Замечаю, что дорога под колесами уже не та гладкая (ну, относительно гладкая) трасса, по которой мы ехали. Асфальт сменился грунтовкой, полной ям, и джип подпрыгивает так, что я чуть не бьюсь головой о потолок.

Вокруг не поля, а какие-то заросли, а впереди – лес. Гу-

стой, темный, как из тех фильмов, где героиня не доживает до финальных титров.

– Эй, – мой голос дрожит, и я ненавижу себя за это. – Это что, короткий путь в город? Потому что, знаешь, я не подписывалась на тур по местным джунглям!

Мой «спаситель» не отвечает, только крепче сжимает руль. Его молчание режет нервы острее ножа.

Каролина, ты вляпалась. Это конец. Он маньяк. Точно маньяк. Целлофан в багажнике, кровь, ирам, непромокаемый бушлат.

– А ты точно нормальный? – выпаливаю, не в силах больше держать панику внутри.

Он поворачивает голову, глаза прожигают насквозь.

– Раньше надо было думать, а не садиться в машину, – в его голосе столько сарказма, что я чувствую себя идиоткой года.

– Останови! – кричу я, хватаясь за ручку двери. – Останови немедленно! Помогите!

Он фыркает, но резко жмет на тормоз. Джип останавливается так внезапно, что я чуть не влетаю в лобовое стекло. Лицо мужчины – смесь раздражения и какого-то усталого веселья.

– Да, господи, за что мне это? – бормочет он, проводя рукой по волосам. – Королева, ты серьезно? Куда ты собралась? В лес? Там медведи, между прочим.

Но я уже не слушаю.

Паника – мой новый лучший друг, и она толкает на подвиги. Распахиваю дверь, выпрыгиваю из джипа, чуть не падая, и бегу.

Сланцы шлепают по земле, чемодан остался в багажнике, но мне плевать. Я несусь сквозь кусты, ветки хлещут по ногам, цепляются за сарафан, а я только слышу, как он кричит мне вслед:

– Эй, королева! Там медведи! Если встретишь, притворись мертвой! Хотя, судя по твоему характеру, у тебя это не получится! Тебе хана!

Не оборачиваюсь. Лес густой, пахнет хвоей и сыростью, а я бегу, как будто за мной гонятся все маньяки Голливуда. Один сланец слетает, потом второй, чувствую, как иголки и ветки впиваются в босые ноги.

Каро, ты гений. Бежишь босиком в лесу, где, возможно, и правда медведи. Или волки. Господи, как страшно-то!

Спотыкаюсь, чуть не падаю, и наконец останавливаюсь, задыхаясь. Ноги горят, колени дрожат, а сердце выламывает ребра.

Оглядываюсь. Тишина. Только шорох листвы и мое собственное тяжелое дыхание которое слышно за километр.

Где я? И где джип?

Прислоняюсь к дереву, пытаюсь отдышаться. Ноги болят, на одной пятке, кажется, кровь – то ли от ветки, то ли от иголок.

Ничего не остается, как идти обратно, по пути ища слан-

цы, но нахожу я только один. Мой «спаситель» стоит у джипа, скушает, небрежно жуёт травинку, засунутую в угол рта, и смотрит в мою сторону с ухмылкой.

– Ну, королева красоты, набегалась? – кричит он, сплевывая травинку. – Если так хочешь побегать, то хотя бы не повторяй судьбу того барана. Не выбегай на дорогу, а то собьют.

Понимаю, что бегать дальше глупо. Во-первых, я босая. Во-вторых, я понятия не имею, где я. В-третьих, если тут и правда медведи, то я точно не хочу проверять, насколько хорошо умею притворяться мертвой.

Не такой свободы я хотела. Не в лесу и без обуви.

Выхожу из кустов, стараясь не хромать, хотя ноги горят, словно я наступила на раскаленные угли. Мужчина стоит, скрестив руки, смотрит на меня, как на капризного ребенка, который устроил истерику в супермаркете.

– Закончила? – в голосе смесь насмешки и усталости. – Садись обратно. Надо заехать, скинуть барана, а потом отвезу тебя в город. Как договаривались.

Смотрю на него, пытаюсь понять, врет он или нет.

Баран. Конечно. Просто баран. Ага, Каро, верь мужику, у которого в багажнике мясо в целлофане и нож на заднем сиденье.

Но я так устала. Устала от жары, от пыли, от беготни, от страха. Мой мозг выстраивает логическую цепочку: он дважды прогнал придурков, он не тронул меня, когда я сидела в машине, он даже не стал гнаться за мной в лесу.

Может, он и правда не маньяк? Может, просто странный охотник, который любит пугать сбежавших девиц?

– Ладно, – бормочу, хромая обратно к джипу. – Но если ты маньяк, я... я... найду способ тебя достать. Даже из могилы.

Он хмыкает, и это, кажется, самое близкое к смеху, что я от него слышала.

– Королева, если я маньяк, ты уже проиграла. Но пока ты жива, так что не нагнетай.

Сажусь в джип, стараясь не смотреть на свои ноги, зрелище страшное. Замки щелкают, и я вздрагиваю, но он уже заводит двигатель. Мы снова едем, я пытаюсь убедить себя, что все нормально.

Он просто везет барана. Потом отвезет меня в город. Все под контролем.

Снова украдкой разглядываю его. Он сосредоточен на дороге, руки крепко держат руль, бушлат расстегнут, под ним темная футболка, вся в пятнах.

Просто грязь, Каро. Не кровь. Не нагнетай.

Но я нагнетаю. Потому что этот тип все еще меня напрягает.

– Так куда мы едем? – спрашиваю, стараясь, чтобы получалось небрежно, хотя голос дрожит. – К твоему другу-мяснику? Или это кодовое слово для чего-то пострашнее?

Мужчина бросает на меня взгляд, его губы снова дергаются в этой его почти-улыбке.

– Ты слишком много смотрела фильмов. Жара, баран ис-

портится, нужно разделать. Успокойся уже.

– Успокойся? Ты везешь меня в лес, у тебя в багажнике кровавый целлофан, а я должна петь песни и радоваться жизни? Может, ты еще скажешь, что я должна тебе торт испечь за спасение?

– Торт? А ты умеешь? Уверен, что нет.

Он прав, я никогда не пекла торт. Я вообще не знаю, как включать духовку. Моя жизнь – это тусовки, маникюр и папины деньги. Была. До сегодняшнего дня.

Мы едем молча, и я пытаюсь отвлечься, глядя на лес. Деревья высокие, сосны пахнут так, что я почти забываю о своих исцарапанных ногах. Но страх никуда не делся. Он сидит внутри, как холодный ком, и шепчет: *«А что, если он врёт? Что, если это последний день моей никчемной жизни?»*

Вспоминаю Аленку, как она в клубе не растерялась, как боролась, пока я сидела, парализованная страхом. Я хочу быть смелой. Но это сложно, когда ты босая, усталая и сидишь в джипе с типом, который, возможно, опаснее всех, кого ты встречала.

– Слушай, – говорю, не выдержав. – Если ты не маньяк, то почему ты такой... странный? Ну, знаешь, нормальные люди не ездят по лесам с баранами в багажнике и не пугают девушек.

Он снова молчит, и я уже думаю, что он опять проигнорирует. Но потом он говорит, не глядя на меня:

– А ты ходячая катастрофа. И я начинаю жалеть, что во-

общее остановился.

Ходячая катастрофа. Отлично, Каролина. Это твой новый титул.

Лес вокруг становится гуще, дорога – хуже, а я все еще не знаю, кто он такой и куда мы едем. Начинаю подозревать, что этот день станет самым длинным в моей жизни. Если я, конечно, доживу до его конца.

Глава 7 Богдан

Сижу за рулем, джип подпрыгивает на ухабах, и каждое мое движение – это борьба с желанием развернуться и высадить эту девчонку прямо посреди леса.

Она рядом, вся такая напряженная, будто я везу ее на эшафот. Босые ноги, исцарапанные и грязные, руки скрещены на груди, словно это может защитить ее от меня.

Или от медведей – судя по всему, поверила, что они здесь водятся. Кошусь на нее и решаю, что пора хотя бы узнать, как зовется эта ходячая катастрофа.

– Эй, королева, – стараюсь, чтобы голос звучал небрежно, хотя внутри все кипит от раздражения. – Как тебя зовут? Или мне и дальше звать тебя королевой красоты?

Девушка поворачивает голову, ее большие карие глаза, обрамленные густыми ресницами, смотрят с подозрением. Но потом она фыркает, поправляя растрепанные волосы, и отвечает:

– Каролина. И, кстати, я не просила тебя звать меня королевой.

– Каролина, – повторяю, уголок рта сам собой дергается в ухмылке. – Почти угадал.

Она закатывает глаза, но я вижу, как ее щеки чуть розовеют – то ли от жары, то ли от моего тона. Возвращаюсь к дороге, сжимая руль так, что костяшки белеют, и мысленно

костерю себя последними словами.

За что, господи? За какие грехи я ввязался в эту историю?

Мне 33 года, и последние полгода я жил так, как хотел. Один. В глуши. Дом, озеро, пристань, лес, где грибы и ягоды, и охота, когда душа просит.

Куры, которые кудахчут по утрам, и наглый петух Валера, который орет так, будто я ему что-то должен. Все было просто. Спокойно. Никто не лез в мою жизнь, и я не лез в чужую.

Но нет, Богдан Ярославович, ты решил поиграть в Робин Гуда. Увидел девицу в беде, дважды спас ее от местных придурков и теперь везешь к себе домой, как какой-то благородный рыцарь.

Только вместо коня – джип, вместо доспехов – старый бушлат, а вместо благодарности – ее панические вопли про маньяков и сумочки из человеческой кожи.

Лукьянов, ты придурок года.

Мой дом – не какая-то развалюха, как можно было бы подумать. Я отстроил его из руин, что достались мне в наследство от деда. Старик был легендой в этих краях – лесник, который кошмарил браконьеров так, что они до сих пор обходят этот лес стороной.

Он оставил участок, озеро и кучу воспоминаний о том, как учил меня стрелять и отличать съедобные грибы от тех, что отправят тебя на тот свет. Я вложил все свои сбережения, чтобы привести дом в порядок: новые бревна, крепкая

крыша, окна, которые не свистят на ветру.

Теперь он стоит, как крепость, – теплый, уютный, мой. А рядом озеро, где я иногда рыбачу, и лес, где я охочусь. И, конечно, этот чертов Валера, который считает себя хозяином двора.

Все было идеально. До сегодняшнего дня.

Зачем я вообще остановился у того магазина? Мог бы проехать мимо, как нормальный человек, который знает, что жизнь учит каждого своими методами. Не лезешь – не вляпаешься.

А эта Каролина... Она же ходячая катастрофа.

С ее розовым чемоданом, который весит, как будто там кирпичи, на каблуках, которые она напялила. С языком острым, удивительно, что его еще никто не укоротил.

Она нарывалась на неприятности с таким энтузиазмом, словно это ее призвание. И я, как дурак, решил, что должен ее спасти. Ну, спас. Дважды. И что?

Теперь она сидит в моем джипе, смотрит на меня, как на серийного убийцу, и бормочет что-то про целлофан в багажнике. Да не трогал я этого барана, он сам выскочил на дорогу, отбившись от своих братьев.

У нас тут разные люди живут, вот Али разводит баранов, это его сбежавший кусок мяса на ножках. Он, небось, уже начал портиться из-за этой жары, а она думает, что я везу ее на разделку. Чертовы городские.

И вот теперь эта Каролина. Королева, мать ее, на всю го-

лову. Сидит, смотрит в окно, и я почти слышу, что ее мозг работает на пределе, выстраивая теории заговора.

Маньяк, медведи, сумочки из кожи – господи, да у нее фантазия покруче любого триллера. Я бы посмеялся, если бы не был так зол на себя.

Зачем я ее подобрал? Зачем везу к себе? Мог бы подвезти до города, ну, город – это громко сказано, так, городишко, посадить на автобусной станции и забыть как страшный сон. Но нет, я решил, что должен убедиться, что она не вляпается в очередную историю.

Благородство, мать его. Оно меня и погубит.

– Слушай, – ее голос вырывает меня из мыслей, и я чуть не влетаю в очередную яму. – Ты хоть иногда моргаешь? Или это тоже часть твоего маньячного образа?

Бросаю на нее взгляд, и она тут же отворачивается, делая вид, что ей очень интересно разглядывать сосны за окном. Ее щеки горят – то ли от жары, то ли от страха, то ли от злости. Наверное, все сразу.

Хмыкаю, не сдержав улыбки. Она бесит меня до зубовно-го скрежета, но в ней есть что-то... что понять еще не могу. Как искра, которая вот-вот подожжет все вокруг. И я, как идиот, таскаю эту взрывоопасную девицу в своем джипе.

– А ты всегда такая болтливая, Каролина? – огрызаюсь, но без особого яда. – Или это от страха язык развязался?

– Я не боюсь, – врет, голос дрожит. – Просто... знаешь, когда тебя везут в лес, где, возможно, медведи, а в багажнике

лежит что-то, завернутое в целлофан, это немного напрягает. Даже если ты не маньяк.

– Баран, – говорю я, мой голос звучит устало, как будто я объясняю это в сотый раз. – Это баран. Он сам виноват. А ты, королева, слишком много фильмов насмотрелась.

Она фыркает, но я вижу, как ее плечи чуть расслабляются. Совсем чуть-чуть. Она все еще не доверяет мне, и, честно говоря, я ее не виню. Я бы тоже не доверял мужику, который выглядит так, будто только что вышел из леса после недельной охоты.

Мои волосы отросли, щетина на лице уже больше похожа на бороду, а глаза, как говорила моя бывшая, «смотрят так, будто ты уже прикинул, где закопать тело». Может, она была права. Может, я и правда стал дикарем. Но мне это нравилось. До сегодняшнего дня.

Дорога становится хуже, джип трясет, как в стиральной машине, слышу, как Каролина шипит что-то про свою задницу и отсутствие нормальных дорог. Молчу, сосредоточившись на том, чтобы не влететь в очередную яму.

Лес вокруг густеет, сосны смыкаются над головой, чувствую, как напряжение в груди немного отпускает. Это мой мир. Здесь я знаю каждую тропу, каждое дерево. Здесь я дома.

И эта девчонка, которая возомнила себя королевой мира, не испортит мне жизнь. Я доведу ее до города, посажу на автобус и забуду. А потом вернусь к своему озеру, к своим

курам, к Валере, который, наверное, уже репетирует новый утренний концерт. Вот только скину барана и снова обратно.

Мы выезжаем из леса на небольшую поляну, и мой дом появляется перед глазами – крепкий, с бревенчатыми стенами и широкой верандой, где я иногда пью кофе, глядя на озеро. Это не руины, какими они были, когда я приехал сюда.

Я вдохнул в этот дом новую жизнь, как дед когда-то вдохнул в него свою. Озеро блестит за домом, пристань чуть покачивается на воде, а куры как по команде начинают кудахтать, увидев джип.

Пернатый диктатор Валера вышагивает по двору, словно не я, а он здесь главный. Останавливаю машину, глушу двигатель и поворачиваюсь к Каролине, ожидая, что она скажет что-нибудь язвительное. Но она молчит. Глаза, огромные, как у олененка, смотрят на дом, на озеро, на кур, и в них – чистая паника.

– Это... – голос тихий, она поворачивается ко мне, лицо бледнеет, как будто она увидела привидение. – Это ведь не город. И не автобусная остановка. Куда ты вообще меня привез?

– Ты чем слушала?

– Чем?

– Вот и спрашиваю: чем? Барана скину и отвезу. Не ссы в трусы, королева.

Глава 8 Каролина

Да, мужик странный.

Эта мысль возникает в голове, пока я стою на утоптанной земле перед его домом босиком, кажется, окончательно потеряв веру в себя. Лес вокруг пахнет хвоей, озеро блестит за домом, и снова эти треклятые куры. Когда они успели захватить мир?

Мои ноги исцарапаны, каждый шаг отзывается болью, но я держу подбородок выше, как учили на уроках художественной гимнастики, да, да, я и так умею, у меня, между прочим, есть разряд, и шпагат у меня лучший.

Но этому гражданину, который просил себя называть Спасителем, лучше не знать обо мне много. Конечно, на маньяка он не тянет, хотя я не специалист, пока не тянет. Но доверять ему? Увольте. Он может быть кем угодно: от охотника до местного отшельника, который коллекционирует черепа и кости в сарае.

Я не боюсь, нет. Опасаюсь. Есть разница.

Мой Спаситель вылезает из джипа, хлопает дверью так, что я вздрагиваю, и идет к багажнику. Слежу за ним, словно он сейчас достанет не тушу барана, а гранатомет. Но нет, он вытаскивает огромный сверток в мутном целлофане, через который просвечивает что-то красное.

И делает это так легко, будто всю жизнь таскает такие тя-

жести. Плечи напрягаются под бушлатом, руки, покрытые мозолями и шрамами, даже не дрожат. Он закидывает тушу на плечо и шагает к сараю у дома, будто это не баран, а мешок с перьями.

– Эй, – не выдерживаю я, голос выходит резче, чем планировала, – может, ты мясник?

Он оборачивается, темные глаза прожигают насквозь. Уголок рта дергается в той самой ухмылке, от которой хочется то ли фыркнуть, то ли запустить в него тяжелым камнем.

– Угадала, королева, – отвечает он. – Мясник, охотник, лесной маньяк – выбирай, что тебе больше нравится

Шутит, конечно. Чувствуется икола Евгения Петросяна. Откуда я знаю про Петросяна в двадцать лет? Так это папуля мой его поклонник и даже таскал меня на его концерт по малолетству.

Этот тип не похож на мясника. Слишком... дикий. Слишком много в нем чего-то необъяснимого, словно он знает этот лес лучше, чем я знаю меню своего любимого кафе-терия в Москве. Но я не собираюсь показывать, что он меня напрягает.

Поправляя бретельку сарафана, который липнет к телу от жары, шурю, оглядывая это место. Дом крепкий, бревенчатый, с широкой верандой, на которой стоит старое кресло-качалка. За домом блестит озеро, спокойное, как зеркало, и я почти слышу, как оно шепчет: «Добро пожаловать в глушь, Каролина».

– Слушай, – стараясь звучать небрежно, хотя внутри все сжимается от мысли, что я в какой-то глуши с мужиком, который таскает бараньи туши вместо гирь. – У тебя тут хоть туалет есть? Или мне искать ближайший куст?

Мужчина бросает на меня взгляд, и я готова поклясться, что в его глазах мелькает что-то вроде веселья. Он опускает тушу на деревянный стол у дома, вытирает руки о джинсы и кивает в сторону маленькой постройки.

– Туалет там, принцесса. Но не жди там спа-салона с пеной ванной и лепестками роз.

Черт, он что, мысли читает? Я действительно мечтала о ванне, горячей, с пеной, где можно смыть эту пыль, этот пот и этот день, который уже тянет на худший в моей жизни. Но сдаваться я не собираюсь.

– О, да, – язвлю, поправляя волосы, которые, клянусь, сейчас больше похожи на солому, чем на мою гордость. – А ты, наверное, каждое утро принимаешь душ под водопадом, как герой какого-нибудь боевика. Только без камеры и саундтрека, да?

Он хмыкает, и это почти смех, но такой, будто он не хочет признавать, что я его развеселила.

– Иди уже.

Закатываю глаза, но внутри все сжимается. Туалет. На улице. В этой глуши. Шагаю к постройке, которую он назвал туалетом, и с каждым шагом чувствую, как моя уверенность тает.

Когда я дохожу до деревянной двери, на которой вырезано сердечко – сердечко, серьезно? – замираю. Это не туалет. Это... это какой-то портал в Средневековье. Доски скрипят, запах – смесь земли, сырости и чего-то, что я даже не хочу идентифицировать.

Стою, уставившись на это сердечко, и чувствую, как во мне борются две Каролины: одна, которая хочет развернуться и бежать обратно в город, где есть нормальные туалеты и кофемашины, и другая, которая говорит, что я не могу показать этому лесному мужику, что меня можно сломать.

– Ну что? – мужской голос доносится сзади, оборачиваюсь. Он стоит у дома, скрестив руки, смотрит на меня с этой своей ухмылкой, которая одновременно бесит и заставляет меня выпрямить спину. – Решила, что кусты лучше?

– Очень смешно, – огрызаюсь, сжимая кулаки так, что пальцы белеют. – Просто оцениваю, насколько твоя хибара соответствует моим стандартам. Спойлер: пока что ноль из десяти.

– Давай, Каролина. Если передумаешь, озеро вон там.

Фыркаю, но внутри все кипит. Он думает, что я какая-то избалованная девчонка, которая не справится без своего латте и маникюра. Ну и пусть. Пусть думает.

Я докажу, что могу быть не только королевой, но и той, кто выживет в этой глуши. Даже если для этого придется зайти в этот чертов туалет.

Толкаю дверь, и она скрипит так, будто жалуется на мою

наглость. Внутри темно, пахнет сыростью, и я почти уверена, что где-то в углу прячется паук размером с мою ладонь.

Замираю на пороге, нет, Каролина Саркисян не будет визжать из-за туалета. Не будет. Я сбежала от родителей, от их планов на мою жизнь, от этого Армена с его идеальной улыбкой и идеальной машиной.

Я могу справиться с этим. Могу.

Но, черт возьми, как же я хочу ванну с пеной! И кофе. И нормальную жизнь. Я стою, глядя на это дурацкое сердечко, и понимаю, что не готова зайти внутрь. Не готова признать, что моя новая жизнь начинается с этого.

С антисанитарии, кур и мужика, который, похоже, считает меня ходячей катастрофой. И, может, он прав. Может, я и есть катастрофа. Но я не сдамся. Не перед ним, не перед этим туалетом, не перед собой.

– Ты там что, мемуары пишешь?

Я оборачиваюсь, готовая выдать что-то ядовитое, но слова застревают в горле. Он стоит в нескольких шагах, с этой своей ухмылкой, и я вдруг понимаю, что он не просто дразнит меня. Он ждет, что я сломаюсь. И это придает мне сил.

– Не переживай, я просто выбираю, с какой ноги начать покорять это сооружение. Но я скоро вернусь, чтобы ты мог дальше наслаждаться моим обществом.

Он хмыкает, и я, не давая себе времени передумать, толкаю дверь и шагаю внутрь. Сердце колотится, но я не оглядываюсь. Пусть думает, что я не справлюсь. Пусть думает,

что я королева. Даже если внутри я просто напуганная девочка, которая понятия не имеет, что делает.

К моему удивлению, внутри не так уж и плохо. Никакого запаха, который я ожидала, ни того неопознанного ужаса. Пол сухой, чистый, выложен досками, которые выглядят так, будто их вчера полировали.

И вместо дыры в полу и вонючей ямы – настоящий унитаз. С крышкой! А рядом, на деревянной полочке, аккуратно лежит рулон туалетной бумаги – четырехслойной, мягкой, как в дорогом отеле.

Стою, оглядываюсь и не верю своим глазам. Это что, он специально держит этот туалет в таком порядке? Для кого? Для кур?

Закрываю дверь, делаю свои дела, и, пока мою руки в маленькой раковине с мылом, которое пахнет лавандой, в голове начинает складываться план. Гениальный.

Здесь, в этой глуши, меня точно никто не найдет. Ни родители, ни их планы, ни Армен. Этот Спаситель – мой билет в свободу. Надо только придумать, как остаться.

Смотрю на себя в маленькое зеркало над раковиной – волосы, конечно, кошмар, но глаза горят. План уже зреет. Может, сказать, что я потеряла паспорт? Или что меня ищут бандиты? Хотя паспорт я и так потеряла.

Нет, слишком драматично, он не поверит. Надо что-то проще, убедительнее. Например, я могла бы предложить помочь ему... с чем? С курами? С бараном? Нет, это не мое.

Но я могла бы... ну, скажем, вести его бухгалтерию? У отшельников ведь тоже есть счета, правда? Или прикинуть-ся, что я умею готовить. Да, это может сработать. Он же не знает, что мой кулинарный опыт ограничивается яичницей и заказом суши.

Выхожу из туалета, расправив плечи, с видом, словно только что покорила Эверест. Он все еще стоит у дома, разглядывает этого несчастного барана, но я замечаю, как он бросает на меня взгляд. Ухмылка никуда не делась, но теперь я готова ответить.

– Ну что, выжила?

– О, ты даже не представляешь, – говорю я, подходя ближе и стараясь казаться уверенной. – У тебя там, между прочим, туалетная бумага лучше, чем в моем отеле в Турции. Может, ты не такой уж дикарь?

Уголки его губ чуть приподнимаются. Отлично, он клюнул. Теперь надо аккуратно подвести к моему плану.

– Слушай, – начинаю, поправляя сарафан и стараясь выглядеть максимально непринужденно, – у меня тут... ситуация. Я, скажем так, решила поменять свою жизнь кардинально, хочу слиться с природой, почистить карму и чакры от негатива. Думаю, твой дом – идеальное для этого место. Можно я останусь, буду по хозяйству помогать, готовить, например? Яичница у меня – пальчики оближешь.

Он смотрит на меня, и я чувствую, как его взгляд сканирует похлеще любого рентгена, будто я – туша, которую он

собирается разделать. Но я не отступаю. Улыбаюсь, поправляю волосы и жду. Он должен согласиться. Должен.

– Готовить, говоришь? – наконец произносит он, и в его голосе слышится что-то между недоверием и весельем. – А что еще ты умеешь, королева?

– О, ты удивишься, – отвечаю, улыбаясь, хотя внутри у меня все дрожит от того, насколько я блефую. – Дай мне шанс, и я докажу, что я не просто городская фифа. Ну, что скажешь? Сделка?

Он молчит, смотрит на меня, и я почти слышу, как в его голове крутятся мысли. Наконец он кивает – медленно, будто не до конца уверен.

– Ладно, Каролина. Посмотрим, что ты можешь, но учти, работа тяжелая и грязная.

Смеюсь, хотя сердце колотится. План сработал. Пока. Теперь главное – не облажаться. И, может, научиться готовить что-то кроме яичницы. Но это уже детали. Я остаюсь. Здесь, в этой глуши, с этим странным мужиком и его курами.

Глава 9 Богдан

Скрестив руки, стою у крыльца, смотрю, как эта «королева городских джунглей» тащит свой розовый чемодан по траве. Босые ноги исцарапаны, и я почти слышу, как она мысленно прокликает каждую травинку и камушек. И все же она идет, высоко задрав подбородок, как по подиуму на неделе моды.

Господи, за что мне это?

Я полгода жил в гармонии с лесом, озером, теперь связался с ходячей катастрофой. Серьезно, эта девчонка – как граната с выдернутой чекой, и я, как последний идиот, решил, что должен держать ее подальше от взрыва.

Почему?

Потому что она, похоже, притягивает неприятности, как магнит – железные опилки. Если я отпущу ее сейчас, она либо сядет в машину к очередным придуркам, либо станет кормом для местных собак. Нет, лучше пусть сидит здесь, под моим присмотром. По крайней мере, цела будет. Пока.

– Эй, королева, ты чемодан тащишь или он тебя? Может, его на руках понести, как младенца?

Она останавливается, бросает взгляд, полный такого яда, что я почти жду, что трава подо мной загорится. Но потом выпрямляется, поправляет волосы – которые выглядят так, будто их расчесывал ураган, – и отвечает с таким видом, буд-

то я ей на нервы действую с рождения:

– О, не переживай, Я справлюсь. Это ты, похоже, привык таскать только туши в целлофане, а не помогать девушкам.

Умница. Язык у нее острый, и я начинаю подозревать, что она не так проста, как кажется. Но это меня даже забавляет. Не каждый день в мою глушь заносит таких, как она.

Обычно тут только местные, которые либо боятся меня, либо уважают, либо и то, и другое. А эта... Каролина смотрит на меня, как на экспонат в музее странностей, и я не знаю, бесит меня это или веселит.

– Шевелись, – бурчу, кивая в сторону небольшого домика рядом с баней. – Твое королевское ложе там.

Она хмурит брови, оглядывает постройку, вижу, как в ее глазах мелькает смесь ужаса и скептицизма. Домик, конечно, не дворец. Я жил там, пока приводил в порядок основной дом.

Бревенчатые стены, маленькое окошко, кровать, стол, печка – все, что нужно для жизни. Ну, для моей жизни. Для нее, похоже, это как ссылка в Сибирь.

Но я не собираюсь устраивать ей пятизвездочный отель. Пусть привыкает.

– А где хрустальная люстра и джакузи?

– Джакузи вон там, – киваю на озеро, сдерживая смех. – А люстру можешь сама вырезать из сосны. Нож дам.

Молчит, идет за мной, волоча чемодан, открываю дверь домика, пропуская ее вперед. Внутри пахнет деревом и

немного сыростью – я давно сюда не заходил.

Кровать заправлена старым шерстяным одеялом, на столе стоит керосиновая лампа, а в углу – маленькая буржуйка, которая спасала меня зимой. Скромно, но чисто. Я не любитель бардака.

Каролина заходит, оглядывается, и я жду, что она начнет ныть про отсутствие вайфая или кофемашины. Но она молчит, только проводит пальцем по столу, проверяя на пыль, и морщится.

– Ну, что скажешь, королева? Подойдет для твоей кармы и чакр?

В ее глазах мелькают вызов и упрямство одновременно.

– Пойдет, – отвечает, хотя я вижу, что ей хочется сказать что-то в духе «это хуже, чем ночевка в хостеле». – Только, знаешь, я бы добавила пару подушек. И, может, шторы. И кондиционер. Но для начала сойдет.

Хмыкаю. Ну, хоть не визжит. Это уже прогресс.

– Располагайся, – говорю, кивая на кровать. – Но учти, я уезжаю. Вернусь к вечеру. Хочу, чтобы к этому времени был ужин. На летней кухне все есть – плита, посуда, мясо оставлю. Баран свежий, не переживай. Сможешь?

Ее лицо вытягивается, глаза становятся размером с блюдца, и я едва сдерживаю ухмылку. О, да, Каролина, ты же обещала готовить. Пальчики оближешь, говорила? Посмотрим, как ты будешь разделявать баранину с маникюром.

– Ужин? – переспрашивает, в голосе слышится легкая па-

ника. – Серьезно? Я... я, конечно, могу, но... баран? Это что, мне его резать?

– Не бойся, королева, – говорю, наслаждаясь ее реакцией. – Я тебе кусок отрежу. Просто пожарь. Соль, перец – не ошибешься. Или ты думала, что яичница – это верх кулинарии?

Она открывает рот, чтобы что-то ответить, но потом закрывает его, сжимает губы и кивает с таким видом, будто я только что поручил ей штурмовать крепость. Это так забавно, что я почти жалею, что уезжаю.

Хочу посмотреть, как эта городская фифа будет бороться с куском мяса. Но дела не ждут. Надо найти тех придурков, которые сперли у нее сумочку.

Не потому, что я такой добрый, а потому, что я не люблю, когда в моих краях творят беспредел. Это мой лес, мои дороги, и я здесь закон.

– Ладно, не спали дом, Каролина. И не дразни Валеру. Он обидчивый.

– Валеру? – переспрашивает девушка, и я слышу, как ее голос дрожит от смеси любопытства и ужаса. – Это кто?

– Петух, – бросаю через плечо, уже шагая к джипу. – Увидишь. Главное, не пытайся его погладить. Он не кот.

Ухожу, оставляя ее, сейчас только отрежу свою часть от барана, а остальное увезу владельцу, мне много не надо. Оборачиваюсь, хотя этого делать не стоило, она стоит в дверях, смотрит на меня, и в ее глазах – коктейль из упрямства, стра-

ха и чего-то еще, что я пока не могу разобрать.

Может, это ее городская гордость? Или просто идиотская уверенность, что она справится? Не знаю. Но это точно будет весело.

Дорога петляет через лес, джип подпрыгивает на кочках, пытаюсь понять, во что я вообще ввязался.

Каролина.

Серьезно, ты оставил у себя дома девчонку, которая выглядит так, будто ее только что выгнали из реалити-шоу за излишнюю драматичность? Она же сожжет усадьбу. Или хуже – прибьет Валеру. Представляю, как этот пернатый диктатор орет на нее, а она орет в ответ. Картина, достойная «Оскара».

Но что-то в ней есть. Не могу понять что. Может, взгляд, в котором одновременно желание меня придушить и мольба о помощи. Может, ее наглость, которая бесит, но и заставляет уважать.

Она не сломалась, когда те клоуны на мопедах сперли ее сумочку. Не сломалась, когда я вез ее в лес, а она думала, что я маньяк. И даже сейчас, босая, в пыльном сарафане, она стоит, готова покорять мир. Или хотя бы мой двор.

Но главное – я не могу оставить ее просто так. Не потому, что я такой рыцарь, а потому, что она, похоже, не из тех, кто просто сидит и ждет. Она вляпается в очередную историю, и мне, как дураку, придется ее вытаскивать.

Лучше уж держать под боком. А заодно выяснить, как эта краля оказалась в наших краях. Сбежала от богатого папочки? От жениха? Или, может, от закона?

Хотя, если посмотреть на ее маникюр и чемодан, закон – вряд ли. Скорее семейная драма. Но я выясню. Я всегда выясняю.

Первая остановка – поселок. Там тусуются все местные придурки, включая тех, кто на мопедах. Я знаю этих пацанов. Витек с серьгой, Серега без зуба и тот, с татуировкой, которого все зовут Кот, хотя он больше похож на крысу.

Они мелкие шакалы, воруют по мелочи, пугают девчонок, думают, что они короли дорог. Но в моих краях король – я. И они это знают.

До поселка полчаса езды. Джип рычит, лес мелькает за окнами, а я думаю, как лучше прижать этих клоунов. Они не из тех, кто сразу расколется, но у меня есть методы.

Дед научил меня не только стрелять, но и говорить так, чтобы люди слушали. Один мой взгляд – и они уже начинают заикаться. А если добавить пару слов и, скажем, нож, который я всегда ношу с собой, то они вообще готовы петь, как соловьи.

Но пока я еду, в голове крутится Каролина. Как она там? Уже сожгла кухню? Или пытается подружиться с Валерой?

Представляю, как она стоит и смотрит, как на врага народа, на кусок баранины, который я оставил на столе, и пытается вспомнить, что такое сковородка. Да, это будет ката-

строфа.

Но я почему-то хочу это увидеть. Хочу посмотреть, как эта городская фифа будет бороться с моим миром. И, может, даже выиграет.

Поселок появляется за поворотом – несколько покосившихся домов, магазин с облупленной вывеской и площадь, где обычно тусуются местные. Останавливаю джип у магазина, выхожу, хлопаю дверь.

Рыжая продавщица, Нина, выглядывает из-за прилавка, видит меня и тут же делает вид, что занята. Она меня побаивается, хотя я никогда не давал повода. Просто репутация деда до сих пор работает, но моя репутация еще хуже.

– Нина, где Витек и его шакалы?

Она мигает, облизывает губы, явно прикидывая, стоит ли врать. Но потом кивает в сторону гаражей за магазином.

– Там они, Богдан Ярославович. Как всегда, на своих мопедах крутятся. А что стряслось?

– Девчонка городская, – отвечаю коротко. – Сумку у нее сперли. Знаешь что-нибудь?

Нина хмыкает, качает головой, но я вижу, как ее глаза бегают. Она что-то знает, но не скажет. Ладно, разберусь сам.

Гаражи – это местный притон. Ржавые ворота, запах бензина и пива, матерные надписи на стенах. Витек и его команда сидят на ящиках, курят, ржут, как будто они герои комедии.

Увидев меня, замолкают как по команде. Витек, тот, что с

серьгой, пытается сделать вид, что он крутой, но я вижу, как его рука дрожит, когда он тушит сигарету.

– Богдан Ярославович, – начинает он, растягивая улыбку. – Какими судьбами?

– Сумка, – говорю, не тратя слов. – Городская девчонка. Где?

Витек переглядывается с Котом, потом с Серегой. Они явно не ожидали, что я приду за этим. Но я не тороплю. Просто стою, смотрю, и мой взгляд делает свое дело. Витек начинает ерзать.

– Да мы... это... просто пошутили, – мямлит он. – Сумка в гараже. Мы ничего не трогали, Ярый... ой, Богдан Ярославович, клянусь!

– Принеси, – киваю, не повышая голоса. Не нужно кричать, чтобы тебя услышали.

Витек пулей бежит в гараж, возвращается с сумочкой – маленькой, кожаной, явно дорогой. Открываю, проверяю. Паспорт, кошелек, телефон с треснувшим экраном, но последняя и дорогая модель известного бренда с чехле с кристаллами. Все на месте. Молодцы, шакалы, хоть мозгов хватило не рыться.

– Еще раз увижу, что вы к кому-то лезете, – говорю, глядя Витьку в глаза, – и будете бегать быстрее своих мопедов. Понял?

Он кивает так, будто у него шея на пружине. Кот и Серега вообще молчат, уставившись в землю. Ладно, с этим разо-

брались. Да, Каролина оправдывает свое прозвище – «королева», раз имеет такие вещи.

Теперь надо понять, кто она такая и почему сбежала. Хотя, может, лучше не знать. Может, лучше отвезти ее в город и забыть. Но я уже знаю, что не отпущу. Пока не разберусь.

Глава 10 Каролина

Стою посреди двора, босая, с растрепанными волосами, и чувствую себя героиней какого-то нелепого реалити-шоу, где главный приз – выживание без нервного срыва.

Джип моего так называемого Спасителя исчез за поворотом, оставив за собой облако пыли, которая, кажется, въелась мне в кожу навсегда. Лес вокруг шумит, озеро за домом блестит, а я сама не верю, что у меня все получилось.

Оглядываюсь. Двор – не сказать чтобы огромный, но здесь живенько. Куры копошатся в пыли, у них своя тусовка, а одна, особо наглая, косится на меня, как на конкурентку.

И тут я замечаю... Валеру.

Петуха.

Здоровый, с ярко-красным гребнем и перьями, блестящими на солнце. Он важно вышагивает и смотрит на кур свысока.

Валера, значит? Ну, здравствуй, пернатый король.

Валера замечает меня и, клянусь, замедляет шаг, словно хочет произвести впечатление. Гребень покачивается, глаза блестят, как у мафиози, который пришел за долгом.

Выпрямляю спину, поправляю сарафан – который, честно, уже больше похож на тряпку для мытья полов, и смотрю на него в ответ. Нет, я точно не боюсь кур, точнее, петухов, да и что они могут сделать?

– Слушай сюда, Валера, – начинаю, скрестив руки на груди, сама не понимая, зачем вообще разговариваю с петухом? – Давай сразу договоримся. Ты тут, может, и царь, но я не из тех, кто будет кланяться твоему гребню. Ясно? И если ты решишь мне мешать, клянусь, я найду кастрюлю и сварю из тебя суп. С картошкой и специями. Будешь главным блюдом, Валера. Усек?

Да, Каро, тебе пора в психушку.

Валера останавливается, наклоняет голову набок, будто прикидывает, серьезно я говорю или нет. Потом издает какой-то гортанный звук – не то кудахтанье, не то насмешка – и важно шествует дальше, не удостоив меня вниманием.

Ну и ладно. Я выиграла этот раунд. Или нет?

Черт, Каро, ты только что спорила с петухом. Новый уровень падения.

Ладно, хватит разборок с птицами. Пора выполнять обещание. Ужин. Я же сказала этому лесному мужику, что приготовлю что-то, от чего он пальчики оближет.

Хотя, если честно, я даже не уверена, умею ли я включать плиту. Но Каролина Саркисян не сдается. Никогда. Даже если придется сражаться с куском мяса размером с мою голову.

Шлепаю босиком к летней кухне – деревянной постройке с навесом. Внутри пахнет деревом, углем и чем-то, что я не могу опознать, но надеюсь, это не прошлогодний суп.

На столе лежит он.

Шмат мяса.

Огромный, как будто кто-то просто отрубил половину барана и сказал: «Готовь, королева». Стою, уставившись на этот кусок, чувствую, как мой энтузиазм испаряется.

– Ох, неужели я не справлюсь с куском мяса? Это же просто... мясо. Нужно пожарить его, и все. Соль, перец, сковородка – как в кулинарном шоу. Я смотрела эти передачи, я знаю, как это работает. В теории.

Подхожу ближе, разглядываю шмат. Он выглядит... угрожающе. Он точно знает, что я понятия не имею, что с ним делать.

Рядом на столе – нож, соль в банке, перец в пакетике и сковородка, которая, клянусь, пережила вторую мировую. Беру нож, но потом кладу его обратно.

Нет, не сейчас. Я так устала. Я вымоталась. Я тащила чемодан, тряслась в прицепе трактора, бегала по лесу, пережила встречу с тремя придурками на мопедах и тремя другими в «Ладе». Мне нужен отдых. Мясо подождет. Оно никуда не убежит. Надеюсь.

– Все гениальное просто, – говорю я себе, разворачиваясь. – Сначала сон, потом подвиги. Даже Наполеон спал перед битвой. Или нет? Неважно.

Шлепаю обратно к домику, который мой Спаситель великодушно выделил мне. Внутри пахнет деревом, кровать выглядит скромно, но я падаю на нее, как на перину в пятизвездочном отеле.

Жесткая, скрипучая, но после всего, что было, это почти

рай. Вытягиваюсь, закрываю глаза и не успеваю даже подумать, как проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь от холода.

Сквозь щели в окне тянет сыростью, понимаю, что солнце давно село. На улице темно, как в каком-то триллере, где героиня вот-вот услышит шаги за дверью.

Ежусь, обнимаю себя руками, пытаюсь согреться. Лампочка на потолке – тонкая, как соломинка, – включается с таким скрипом, будто я разбудила древнего духа.

Свет тусклый, но хватает, чтобы разглядеть чемодан, который стоит в углу.

– Так, Каролина, – бормочу, потирая руки. – Ты не в Москве, не в спа-салоне, но ты жива. И это уже победа.

Открываю чемодан, роюсь в вещах. Платья, косметика, три пары туфель – о, да, я гений планирования. Из теплого – только толстовка, которую я взяла на случай «а вдруг на море будет шторм». Ярко-розовая, с надписью «Queen of Everything», не могу не усмехнуться. Ну, хоть что-то в этом хаосе соответствует моему статусу.

Снимаю сарафан, натягиваю толстовку поверх белья. Она едва прикрывает пятую точку, смотрю на свои туфли – шпильки, родненькие, кстати, очень дорогие. Они покрылись пылью, смотрят на меня с укором.

– Спокойно, девочки, – шепчу им, как старым подругам. – Вы еще выйдете на сцену. Но не сегодня.

Роюсь в чемодане, нахожу пару носков – белые, с дурацкими ананасами, которые я купила в приступе шопоголизма. Натягиваю их, но обуви у меня больше нет.

Оглядываю домик и замечаю в углу калоши. Огромные, резиновые, на пять размеров больше моей ноги. Они выглядят устрашающе, но выбора нет.

– О, да, – хмыкаю, засовывая ноги в калоши. – Я теперь официально королева деревенского кутюра. Пора на подиум. То есть на кухню.

Ковыляю к летней кухне, калоши шлепают по земле, как ласты, толстовка едва прикрывает то, что должна прикрывать. Если бы Аленка меня сейчас увидела, она бы умерла со смеху. Или записала это на видео и шантажировала бы до конца жизни. Но я не сдаюсь.

Ужин. Я обещала ужин.

На кухне все так же пахнет деревом и углем. Мясо на столе никуда не делось, смотрит на меня. Беру огромный нож, прикидываю, как бы отрезать кусок, но потом кладу его обратно.

Нет, я даже не знаю, с какой стороны подойти к этому монстру. Может, просто... засунуть его в духовку? Или на сковородку целиком? Или... черт, где телефон и Google, когда он нужен?

Пожарить мясо – это не сложнее, чем сдать экзамен по маркетингу. Просто делай.

Но внутри я понимаю, что маркетинг и мясо – это разные

вселенные. Сажусь на стул, он скрипит. Мой Спаситель не такой уж страшный. Ну, да, выглядит как герой ужастика, но он дважды прогнал местных придурков. Это уже плюс.

И туалет у него, между прочим, чище, чем в некоторых московских кафе. Он просто... странный. Как я. Мы в каком-то смысле родственные души. Ну, или хотя бы родственные катастрофы.

С ним нужно просто подружиться. Пара улыбок, пара шуток, и он будет есть из твоих рук. Ну, или хотя бы не выгонит.

Идея остаться здесь кажется все более гениальной. Меня никто не найдет. Ни папа с его «традициями», ни мама с ее «так принято, Каро», ни Армен, гори он в адском огне.

Здесь, в этой глуши, я могу быть кем угодно. Даже той, кто умеет готовить. Ну, или хотя бы притвориться. А там, глядишь, и правда научусь. Или найду, как сбежать в город, где есть кофе и нормальная обувь.

Смотрю на мясо, потом на часы – все, что у меня осталось от прежней роскошной жизни. Уже вечер, а хозяина все нет. Может, он застрял где-то в лесу? Или к женщине какой заехал на огонек? Тогда он может вернуться только утром, а кушать хочется сейчас.

Встаю, беру нож и с видом великого шеф-повара тыкаю в мясо. Оно не сопротивляется, острие входит легко. Хм, а это, оказывается, просто. Ну все, ужин точно будет!

Глава 11 Каролина

Что-то пошло не так.

Ну, это мягко сказано. Это не просто «не так», это катастрофа мирового масштаба, достойная первой полосы газеты с заголовком: «Каролина Саркисян против куска мяса: кто кого?»

Спойлер: мясо победило.

Я стою на летней кухне, понимая, что я никогда в жизни не резала ничего сложнее авокадо для тоста. Кусок мяса огромный и пахнет так... так странно.

– Так, я обязана с ним справиться. Это просто физика. Нож, мясо, сковородка. Как в учебнике или в кулинарном шоу.

Беру нож, тыкаю в мясо, и, о чудо, оно поддается. Хм, может, я не такая уж безнадежная? Отрезаю кусок – несуразный, кривой, ладно, сойдет для первого раза. Теперь сковородка. Она стоит на плите, чугунная, тяжелая, как мои мысли о том, как я вообще здесь оказалась.

Плита – газовая. Это уже вызывает у меня легкую панику. У нас дома была индукционная, с сенсорной панелью, которая включалась одним касанием. А тут... тут какой-то древний артефакт с ручками, которые крутили еще при царе Горохе.

Нахожу спички, зажигаю одну, подношу к конфорке – и

ничего. Пшик. Тишина. Пробую еще раз, и тут – фух! – пламя вспыхивает, как факел на рок-концерте.

Я отскакиваю, чуть не роняя спичку себе на толстовку. Сердце колотится, руки дрожат.

– Так, спокойно, все по плану. Валера, ты видел? Все идет как надо.

Кладу мясо на сковородку, и оно шипит, как рассерженная кошка. О, да, это успех! Я почти чувствую себя шеф-поваром. Посыпаю солью, перцем – щедро, как будто это волшебная приправа, которая превратит мой кусок мяса в блюдо высокой кухни.

Теперь главное – не облажаться. Включаю вторую конфорку, чтобы, ну, ускорить процесс, и тут понимаю, что не знаю, сколько это должно жариться. Пять минут? Десять? Полчаса? В кулинарных шоу они всегда говорят: «Готовьте до золотистой корочки».

Отлично, буду искать корочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.